

ОТ АВТОРА

Недалеко от города, где я живу, в годы гонений на Церковь произошел следующий случай. В одном селе чекисты арестовали священника и диакона. На полпути к железной дороге арестованных высадили из саней и предложили отречься от веры. Плата за отречение — свобода. Дьякон отрекся. Священник отречься отказался и погиб в заключении.

Как бы мы повели себя в этих обстоятельствах? На миру и смерть красна. Но когда ты один на один с врагом и со своей совестью?.. Всего одно слово — и ты дома, в кругу семьи. Либо твои дети остаются сиротами...

Этот случай поразил меня до глубины души и заставил взяться за работу над данной повестью.

«Новая жизнь» — не документальное повествование. Это художественное произведение, но основано оно на реальных событиях, которые происходили в нашем Отечестве. Работая над повестью, я использовал документы той эпохи, свидетельства очевидцев и участников описываемых событий.

Арест

Было первое воскресенье Великого поста. В селе Заречье отошла обедня*. Народ, разойдясь по домам, доставал из печей нехитрое варево из квашеной капусты. В это время настоятель зареченской церкви, протоиерей Михаил Преображенский, еще только собирался выйти из храма.

Отец настоятель отличался высоким ростом и чрезвычайной худобой. Его соломенного цвета прямые

* Обедня — просторечное название литургии.

волосы никак не желали расти до длины, принятой у священнослужителей, и отец Михаил стриг их в скобку*. Борода у отца Михаила тоже росла не слишком обильно и была жесткой, как конский волос.

Настоятель надел висевший у выхода нагольный тулуп** и снял с крючка шапку.

Завидев, что священник уходит, прибиравшиеся женщины дружной стайкой поспешили под благословение.

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, — неспешно выговаривал настоятель, благословляя помощниц.

Перед выходом из церкви священник сделал поклоны и на несколько мгновений остановился, глядя куда-то вверх иконостаса.

* В скобку — традиционная крестьянская стрижка, при которой волосы подрезаются на лбу и на затылке.

** Нагольный тулуп — шуба мехом внутрь, не покрытая тканью.

Нагольный тулуп

— Отец Михаил, пойдёмте! — раздался голос, в котором явно слышалось нетерпение.

Торопил священника диакон — высокий, статный, с большим орлиным носом и аккуратно постриженной черной бородкой.

Диакон притопывал валенками и уже надел поношенную лисью шапку.

— Да, пойдёмте, отец Яков, — сказал священник и шагнул к дверям.

Отворив двери и пропуская сослужителя в притвор*, отец Михаил сказал с виноватой улыбкой:

— Жаль из церкви уходить. Всегда жалею, что служба кончилась...

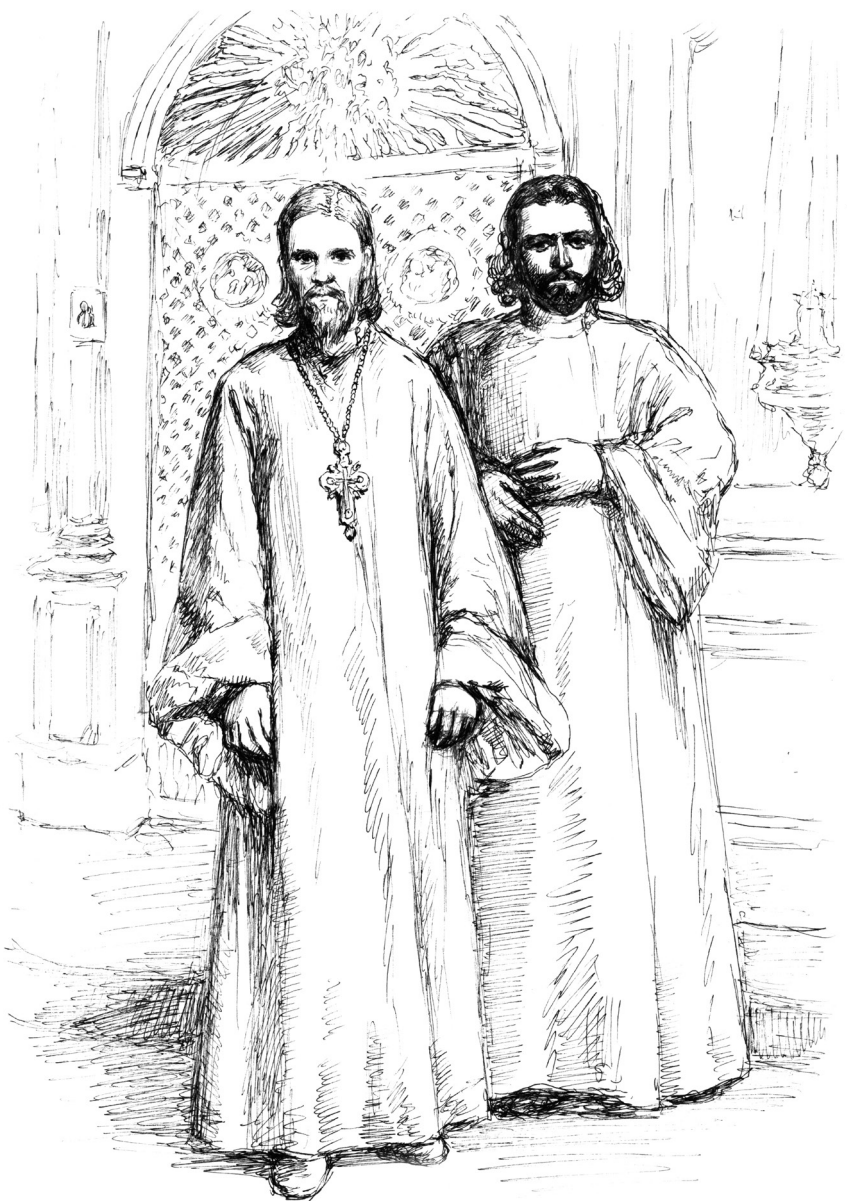
— А у меня ноги озябли, по правде сказать, — пожаловался диакон. — Печка-то в алтаре едва теплая.

— Да, дров нынче маловато, — кивнул священник. — Вчера вот опять ходил в сельсовет, просил разрешения на заготовку.

— Разрешили?..

— Нет, — покачал головой отец Михаил. — Председатель мне сказал: все делянки распределены между беднейшими представителями крестьянства.

.....
* Притвор — западная, неотапливаемая часть храма, нечто вроде прихожей в жилом доме.

— Да какое они имеют право! — возмутился диакон.

— Это верно, что прав у них на то нет. Зато сила есть. Сами себе закон.

Отец Михаил с досадой махнул рукой и вышел на крыльцо.

Под церковным крыльцом стоял сторож Митрофан, приземистый старичок с длинной белой бородой. Щурясь от табачного дыма, Митрофан курил самосад.

Подступив к священнику, сторож строго сказал:

— Ты, батюшко, как пойдешь сейчас, постерегись. Я нынче Сеньку Рябина видел. Опять с гармонью шатается, и пост-от Великой ему нипочем.

Как и все коренные жители, Митрофан цокал, то есть вместо «ч» произносил мягкое «ц»: «сейцяс», «нынце», «нипоцем».

Сторож сдвинул на затылок заячий треух*, пыхнул дымом и продолжил:

— Лешак** его забери, Сеньку энтото! И раньше был шебутной, а как на войну сходил, так и вовсе ошалел. По иконе стрелять удумал!

Войной, о которой упомянул Митрофан, были боевые действия красноармейцев против объединенных

.....
* Треух — меховая шапка с ушами.

** Лешак — леший.

сил Белой армии, англичан, американцев, австралийцев и французов.

Комсомолец Семен Рябинин пошел воевать добровольцем. В одном из боев осколок снаряда изуродовал правую часть лица Рябинина; он лишился глаза и был отправлен домой.

...Сторож тяжело вздохнул.

— Всыпать бы этому мерзавцу с полста горячих! — в сердцах сказал диакон.

— Не мешало бы, — хмуро заметил сторож и добавил: — Не, это ж надо так совесть потерять! Я про Рябинина-от. На священных служителей руку поднял! Тьфу! Срам!

Случай, который вспомнил сторож, произошел после Крещения. Семен Рябинин с друзьями встретил идущего со службы отца Михаила.

Подойдя совсем близко к священнику, Семен закричал:

— Благослови, батюшко!

Отец Михаил повернулся на крик, и тут один из парней присел за его спиной. Рябинин ринулся к отцу Михаилу, как бык на противника. Священник отпрянул от возникшего прямо перед ним Семена, потерял равновесие и полетел валенками вверх через спину присевшего парня.

Через четверть часа рябининская ватага повстречала отца Якова и проделала с ним ту же шутку с той разницей, что диакона, чтобы он упал, Семен толкнул в плечо.

После этого случая диакон и священник уговорились ходить со службы вместе, благо жили недалеко друг от друга.

— Ну, Бог в помощь тебе, Митрофан Кириллович, — попрощался отец Михаил. — Завтра с утра воды согрей, придем с отцом диаконом крестить Павла Васендина сына.

— Стало быть, оклемался у Поликарпа внучок? — оживился сторож. — Ну, дай Бог, дай Бог... Крещеного народу прибудет...

Митрофан загасил самокрутку и спрятал ее в кيسет. Попутно сторож, пока отец Михаил не ушел, одобрительно окал:

— Доброй у Поликаши сынок, Павел-от, доброй. Кабы не Павел, не живать бы мне нонче на белом свете. В прошлу-от зиму, как выгребла у нас хлеб продразверстка*, — хоть ложись да помирай. Это ж надо такое

* Продразверстка (сокращение от словосочетания «продовольственная разверстка») — в России система государственных мероприятий, осуществленная в периоды военного и экономического кризисов, направленная на выполнение заготовок

удумать — хлеб у тебя, значит, отбирают, а взамен тебе кредитку* грошовую! А? Чего мне с ней делать, с бумажкой с этой, самовар разжигать?.. Да, насиделись голодом-от. Я-от как ослабел! Сходить бы петли на зайца да на рябца** поставить, а силы нету. Дай Бог здоровья Павлу, дал нам хлебушка-от. Они, вишь, Васендины-те, как слышали, что разверстка идет, хлеб-от запрятали. В амбаре, вишь, пол вскрыли да две бочки ржи туда и закатили. Да еще муки пять мешков в снег зарыли, где накат в конюшню, да саными-от укатали. Не нашли продразверстчики!

Отец Михаил уже не раз слышал этот рассказ, но из вежливости не останавливал старика.

— Да полно уж тебе, Кирилыч, пошли мы! — не выдержал диакон. — Бывай!

Настоятель в последний раз, по своему обыкновению, помолился на образ Спаса Нерукотворного, висевший над входом.

сельскохозяйственной продукции. Принцип продразверстки заключался в обязательной сдаче производителями государству установленной («разверстанной») нормы продуктов по установленным государством ценам. Впервые продразверстка была введена в Российской империи 2 декабря 1916 г.

* Кредитка — денежная купюра.

** Рябцы — рябчики, промысловая птица.

Лик Спасителя в нескольких местах был пробит пулями. Это на прошлой неделе упражнялся в стрельбе из нагана подвыпивший Семен Рябинин. На закате пришел с дружками, подпер колом дверь в сторожку, чтобы Митрофан не вышел, и принялся палить в икону.

На выстрелы сбежался народ. Рябинин спрятал наган за пазуху и попытался с достоинством удалиться.

— Разойдись! — прикрикнул он на толпу.

Толпа не расходилась.

— Что же это делается-от! — причитали бабы. — Хлеб-от отымают, в иконы палят! Что за жисть-от!

Седатые* мужики молча обступили парней. Под их тяжелыми взглядами Рябинин понял, что бить его будут вусмерть.

Один из Сенькиных дружков бухнулся на колени, завопил:

— Отцы! Христа ради простите! Это не я! Я не стрелял!!

Рябинин выхватил наган и во всю мочь заорал:

— Назад!! Порешу!! Назад!!

Семен выстрелил в воздух, но мужиков это не остановило.

* Седатый — седой.

— Бей охальников*! — раздался чей-то пронзительный крик.

Рябинин выстрелил в толпу, но Павел Васендин, подскочивший сбоку, успел ударить Семена по руке. Пуля ушла вверх.

Васендин свалил Рябинина в снег, и не уйти бы Семену живым, если бы не отец Михаил.

— Люди! Христиане! Стойте! — прогремел над толпой голос настоятеля зареченской церкви.

На счастье комсомольца, священника в тот час позвали прочитать отходную** по старушке-просфирне***, жившей неподалеку от храма.

Завидев на площади толпу, отец Михаил почувствовал неладное и почти бегом бросился к односельчанам.

Голос пастыря подействовал на мужиков отрезвляюще. Они, уже готовые бить до крови, замерли на месте.

— Батюшко! Ты погляди, что творят нехристи! — раздались возмущенные крики. — В икону палят! В Спаса стреляли!

.....
* Охальник (*разг.*) — озорник, нахал.

** Отходная — в обиходе так называют молитвенное последование, которое читается над умирающим.

*** Просфирня — женщина, выпекающая просфоры — хлебцы, которые используются в таинстве Причащения.

Отец Михаил подошел вплотную к поднявшемуся со снега Рябинину. Семен зло смотрел на него единственным глазом и хрипло дышал.

Священник обвел взглядом собравшихся. Все затихли.

Преодолевая возбуждение, пастырь заговорил.

— Эти люди, — сказал священник, показав на Рябинина, — совершили грех. Они ответят за него перед Богом. Если же вы устроите самосуд, если, не дай Бог, прольется кровь, тогда на вас будет грех убийства. Расходитесь.

— Батюшко! Да как же можно отпускать-от охальников этих! — хрипло прокричал сгорбленный дедок. — На святое посягнули!

— Братья! — громко, как на проповеди, произнес отец Михаил. — Когда Иисуса схватили в Гефсиманском саду — что произошло? Апостол Петр с ножом на врагов кинулся. Одному он даже ухо отсек. Что же Спаситель? Ну, вспоминайте! Закричал ли Он: «Бейте их»?.. Нет, Христос велел Петру убрать нож. Спаситель даже исцелил того человека, которому Петр отрубил ухо, — помните? Не проливать кровь грешников пришел на землю Христос. Господь пришел, чтобы Самому пролить Свою кровь за наши грехи!

Слушая отца Михаила, люди начали креститься. Кто-то шептал: «Прости, Господи!»

— Братья и сестры, — призвал пастырь, — расходитесь по домам. Не велел нам Христос губить тех, кто Ему противится. Господь Сам разберется с ними. Будем, братья, стоять за Христа не кровопролитием, но верой православной. Расходитесь.

— Верно отец духовный говорит, — пророкотал из толпы густой бас.

Голос принадлежал Павлу Васендину, коренастому мужику с русой бородой и близко посаженными серыми глазами.

Говорил Павел громко — после контузии стал плохо слышать. Контузию и тяжелое ранение красноармеец Васендин получил в тех же боях, что и Рябинин. В Красную армию Павла мобилизовали прошлой весной. Прослужил он всего несколько месяцев. После ранения его признали негодным к службе, и в конце лета он вернулся в родное село.

— Добро батюшко сказал, — поддержали Павла мужики.

Отец Михаил попросил:

— Расступитесь, братья и сестры.

Народ расступился, пропуская Рябинина с друзьями.

— Благослови, отче! — поклонился Павел пастырю и подошел под благословение.

Примеру Васендина последовали другие мужики. Народ расходился по домам.

...При виде пулевых отверстий в иконе у отца Михаила заболело сердце. Вот уже в который раз.

— Господи, помилуй! — прошептал священник и поспешил вслед за отцом диаконом.

Чтобы попасть домой, священнослужителям нужно было пересечь просторную торговую площадь. Ту самую, где недавно отец Михаил спас комсомольца Рябинина.

Прежде на площади шумели ярмарки. Теперь никаких ярмарок не было и в помине. Торг служил местом, где проводили свои митинги комсомольцы. Собирались кучкой вокруг телеги, растягивали пару кумачовых* транспарантов. По очереди взбирались на телегу, говорили речи о неминуемой победе мировой революции и близком всенародном счастье...

На другом конце торгового двора, в здании, где прежде располагалось волостное правление, находился сельсовет.

.....
* Кумач, кумачовый — ярко-красный.

Возле сельсовета стояли трое саней. Нераспряженные лошади мерно жевали сено. Ошалелые от приближения весны воробьи стайками порхали над дорогой, устраивая возле конского навоза шумную толчею.

— Не наши сани, не сельские, — заметил диакон. — Крашенные.

— Да, — согласился священник. — Кто-то из уезда пожаловал.

При виде этих саней как-то нехорошо стало на душе у отца Михаила. Он попытался прогнать дурное предчувствие, но оно прочно засело внутри, как заноза.

— Помнишь, отец Яков, — произнес священник, — в Новом Сельце отца Алексея взяли? Ведь так и не слышать, что с ним. Ты не слышал, нет известий?

— Нет, не слышал... — отозвался диакон. — Вот отцу Григорию Соловьеву повезло. Арестовали и через неделю выпустили.

Из проулка на площадь выпорхнула спешащая куда-то молодка в белом полушубке и шерстяном платке.

— Доброго здоровьица, батюшки! — поклонилась женщина.

— Здравствуй, Катерина! — ответил отец Михаил. — Твой Василий не захворал? Что-то не было его нынче в церкви.

— Не, батюшко, не захворал, — затараторила круглолицая Катерина. — Не захотел в церкву! Я ему: вставай-де, а он: не хочу да не пойду, да неча мне там делать. Так-от и оставила его с робятами.

В это время из другого проулка раздалось разухабистое пение:

— Ра-асполным-по-лна моя коро-обочка! Е-есть и ситец и па-арча!

Катерина, испуганно озираясь, поспешила дальше.

Между тем на площади показалась пара горланящих мужиков. Они были пьяны, но на ногах держались еще довольно крепко. Мужиков сопровождала ватага мальчишек. Они забавно передразнивали поющих.

Завидев отца Михаила, мальчишки зашикали друг на друга, перестали кривляться и заметно поотстали от пьяных.

Один из мужиков был одет в старую солдатскую шинель нараспашку, другой, поменьше ростом, — в грязный тулуп, подпоясанный веревкой. У того, что в шинели, по локоть не было левой руки.

— Опять Терентьев с Мухортиным нажрались, — проворчал диакон.

— Э-эй, попы! Подайте увечному калеке на пропитание! — завопил однорукий, приближаясь к отцам и протягивая целую, правую руку без рукавицы. Рука была красной, словно ее ошпарили кипятком.

— Не стыдно тебе, Федька? — рассерженно произнес отец Яков. — Не на пропитание ты просишь, а на пропивание.

— Мне?! — возмутился пьяный. — Мне — стыдно?! Это вам, кровопийцам, должно быть стыдно! Нар-род обманываете! Темные массы закабаляете!

Размахивая и целой, и покалеченной руками, Терентьев вплотную приблизился к диакону и священнику.

Отца Михаила передернуло от перегара.

— Успокойся, Федор, — сказал священник, глядя в глаза Терентьева, мутно блестящие из-под сольных кудрей.

Багровое лицо пьяного исказилось. Щербатый рот, зияющий среди густой щетины, оскалился. Он стянул с себя солдатскую шапку и с размаху бросил ее на грязный снег.

— У-у, кровопийцы! — закричал Терентьев. — Нету вашего Бога! Нету-у!

— С чего ты взял? — возмутился отец Михаил.